

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА

УДК 159.923.2

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР: РЕФЛЕКСИВНЫЕ СЦЕНАРИИ ТРАНСФОРМАЦИИ МОДЕРНОСТИ

Б.Л. Губман, К.В. Ануфриева

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Суть исканий представителей рефлексивной теории модернизации составляет преодоление проекта просвещенческой трактовки рациональности, предусматривающего рефлексивное саморазвертывание надёжно установленных субстанциально фундированных единых начал, претерпевающих процесс обогащения их содержания на пути истории. Рациональность постпросвещенческого типа опирается на постоянный поиск новых оснований видения мира.

Ключевые слова: модерність, рефлексивная модернизация, рефлексивный мониторинг деятельности, трансформация модерности.

Современный фазис модернизации порождает вопрос о роли рефлексивного начала в этом процессе, приобретающем глобальный масштаб. Размах влияния науки и технологии на социальную жизнь в контексте информационного общества побуждает к размышлениям о рефлексивной составляющей их применения, позволяющей теоретически прогнозировать границы использования их достижений и возможные итоги воздействия таковых на судьбы социокультурного развития в планетарном масштабе. При этом на повестку дня ставится также проблема поливариантности возможных рационально обоснованных сценариев социокультурного развития. Ответом на проект Просвещения со стороны А. Гидденса, У. Бека, С. Лэша и других теоретиков рефлексивной модернизации звучит тезис о существовании различных типов рациональности, фундирующих перспективы развития общества и личности. Не единое рациональное основание трансформации общества и культуры, а множественность конкурирующих типов их устройства, предусматривающих плюрализм рациональных конструкций, задающих многообразные смысловые векторы социокультурного развития, – вот лейтмотив размышлений авторов, предлагающих собственный взгляд на судьбы глобального мира в перспективе рефлексивной модернизации. Рефлексивность вызывает к осознанию личностного творчества как главной силы социокультурных преобразований. Рефлексия в ее поливариантности задает направление параллельной трансформации личности и социокультурного контекста ее существования.

Размышляя о судьбах глобального мира, У. Бек отмечает, что сложившийся социальный порядок призывает задуматься о том, что «все категории, которыми было принято пользоваться для обозначения

настоящего, оказались устаревшими, переосмысленными, опровергнутыми практикой... Мы живем в обществе, у которого отсутствует определение, быть может, оно стало непостижимым. Это не (поздний) капитализм, не (пост) индустриализм, не (пост) социализм, это просто, как минимум, современность» [1, с. 163]. Затем Бек своеобразно интерпретирует предложенный Гидденсом вариант соотношения современности и индустриализма, полагая возможным «предположить, что индустриальное общество – это не современное общество, а общество, в котором в равных долях сосуществуют современность и феодализм. Оно изменяет свою форму и трансформируется в направлении рефлексивной модернизации» [1, с. 167]. И здесь Бек ссылается на произведение С. Тулмина «Космополис» [7], говоря, что истоки данного противоречия индустриализма и современности уходят ещё в философскую рефлексию Р. Декарта и М. де Монтеня. Декарт говорил о подчинении мышления субъекта изначально определенным схемам и порядкам, а Монтень, в свою очередь, напротив указывал на возможность рефлексии посредством освобождения индивида от влияния авторитетов, воспитания, обычаев и теологического догматизма.

Начиная с Нового времени, по мере развития общества с ростом числа ситуаций выбора возрастает роль и значение рефлексивности в жизни его членов. Все это порождает новую потребность в достаточной информации о всех элементах ситуации выбора. Таким образом, итогом рефлексивной модернизации служит увеличение объема фиксации, а также мониторинга информации, которые осуществляются субъектами применительно ко всем граням их жизни. Продолжая эту идею, Бек отмечает, что по мере модернизации обществ, также растет и число субъектов, мыслящих о социальных условиях своего существования и тем самым об их изменении. При этом различные формы знания выступают одним из следствий рефлексивной модернизации. «Растут обязательства по оправданию вещей и неуверенности. Последнее обуславливает первое. Имманентная плюрализация рисков вызывает также рациональность расчетов этих рисков» [1, с. 169].

В концепции общества риска Бека риск неустраним как элемент бытия, и соответственно задача современного индивида заключается в прогнозировании рисков и умении справляться с последствиями рисковенных ситуаций. Суть рефлексивной модернизации, сообразно продуктивным идеям Бека, состоит в опережении социальными инновациями технологических.

Рефлексивную модернизацию возможно трактовать как определенную специфическую характеристику современного этапа общественной эволюции. Проникновение рефлексивности во все сферы жизни общества, как подчеркивают У. Бек, А. Гидденс и С. Лэш, связано с её усложнением, непредвиденностью эффектов человеческой деятельности, постоянным порождением новых рисковенных ситуаций в стреми-

тельно глобализирующемся мире [3, р. 4]. Эту идею резюмирует Бек: «Любой, кто рассматривает модернизацию как процесс автономизированной инновации, должен полагать, что происходит постепенное устаревание индустриального общества и появление общества риска. Обратной стороной устаревания индустриального общества является появление общества риска» [3, р. 5]. Поливариантность возможностей социокультурного развития и выбора сценария их реализации – реальный итог модернизации, умножающий риски. Рефлексивное осмысление таковых порождает ее фазис, позволяющий говорить о новом типе модернизационного развития и становлении общества риска. Риск в этом случае, по-видимому, становится важным моментом социокультурного и личностного развития, тая в себе не только негативные, но и позитивные ресурсы.

Бек полагает, что в индустриальном обществе могут возникать имманентные ему, но не получающие должного общественного внимания и значения противоречия, представляющие угрозу для его дальнейшего развития. Но подобное нарастание рискогенных факторов и угроз индустриального общества рано или поздно становится очевидным и ставит задачу их рефлексивного осмысления посредством разного рода дискуссий с целью обнаружения средств контроля результатов модернизационного процесса. Таким образом, «рефлексивная модернизация предстает как самопротивостояние с результатами общества риска, с которыми невозможно справиться и которые нельзя ассимилировать в системе индустриального общества, измеряемого институциональными стандартами последнего» [3, р. 6]. В известном смысле, она – попытка разума искать альтернативные сценарии выхода из созданных им на базе знания ситуаций.

Современность определяется посттрадиционным порядком, в котором надежность, ранее гарантируемая обычаями и традицией, вытесняется опорой на достоверное, рационально обоснованное знание. В то же время современность институционализирует принцип радикального сомнения, утверждая, что любое знание гипотетично, т. е. может быть пересмотрено в свете новых идей и открытий, что позволяет назвать наличную современность эпохой глобального сомнения. Характерной для сегодняшней жизни является то, что можно назвать «произведенной неопределенностью». Многие аспекты наших жизней совершенно неожиданным образом стали открытыми, организованными лишь по правилам «сценарного мышления», предположительных вариантов развития возможного будущего. Это справедливо как по отношению к индивидуальным жизням, так и по отношению к человечеству как целому [4, р. 184]. Таким образом, современное сознание полно предвосхищением катастрофизма, равно как и новых возможностей, открываемых будущим.

По мере того, как требования разума начали сменять непреклонный диктат бесчисленных традиций, появилось ощущение того, что ра-

зум способен дать значимо более устойчивые позиции уверенности в знании. Однако это продолжалось, пока не пришло осознание того, что на самом деле рефлексивность современности подрывает позиции разума как достижения определенного знания. Сегодня конституирование форм общественной жизни отчасти осуществляется самим знанием о них акторов. Модерность обусловлена рефлексивно применяемым знанием, при этом не гарантирующим уверенность в том или ином основании. «Мы живем в мире, который целиком конституирован через рефлексивно примененное знание, и мы никогда не можем быть уверены, что любой его элемент не будет пересмотрен» [5, р. 39]. Обоснование практики ее традиционностью и силой привычки теряет прежнюю привлекательность. Тем не менее в результате инерции обычаев даже в достаточной мере модернизированных сообществах традиция все так же играет определенную, не менее значимую роль. Именуемое нами «традицией» может быть определено лишь при рефлексивном сопоставлении с новизной ранее неизвестного. При этом общественные науки, как особый вид рефлексивного экспертного знания, приоритетно необходимы для осуществления рефлексивности модерности в целом, поскольку постоянный пересмотр знания о социальной практике и есть существо современных институтов.

По мнению Гидденса, общество производится и воспроизводится активными участниками социального события, которые постоянно обращаются к своим знаниям и подвергают оценке и переоценке правила социального поведения. С наступлением модерности пересмотр правил радикализуется так, что начинает широко применяться ко всем аспектам человеческой жизни. Таким образом, основная черта современности выражается в презумпции всеохватывающей рефлексивности, включающей также и рефлексию о природе собственно самой рефлексии. Социальная практика постоянно подвергается различного рода проверкам, что в конечном счете преобразует ее характер под воздействием поступающей информации. Все это обуславливает рефлексивность современной общественной жизни.

В перспективе теории рефлексивной модернизации индивид, обогащенный знанием и познавательными ресурсами, более осторожен и критичен в применении знания. Сообразно классификации С. Лэша, ранее, в предыдущей «простой модернизации», наука легитимировала модернизационные процессы, а индивид рассматривался как уже сложившийся элемент структуры общества. Из «простой» модернизация становится «рефлексивной» или «высокой» по мере разрушения базовых принципов модерна и структурных изменений, неподвластных контролю и прогнозу. Сегодня в период рефлексивной модернизации индивидуальная жизнь рисуется в перспективе ее незавершенности, научные средства и возможности отныне не являются единственным источником

легитимации развития и подвергаются критической рефлексии, неограниченно продуцируя поливариантность истины.

Расширение понимания социального мира могло бы обеспечить более глубокое постижение человеческих институтов, а значит, привести к растущему технологическому контролю над ними в случае, если общественная жизнь была бы или отделена от человеческого знания о ней или таковое присутствовало бы перманентно в побудительной мотивации деятельности людей, продуцируя шаг за шагом увеличение степени рационального содержания их актов [5, р. 43]. Данные условия применимы к многообразным контекстам социальной активности, но ни одно из них не обладает тем всеобъемлющим воздействием, которое объявлялось в качестве цели сообразно идеям Просвещения. Апроприация существующего массива знания ведется многообразно, и оно не одинаково представлено в орбите освоения тех сил, которые могут использовать его во имя собственных групповых интересов.

Мировоззренческая трансформация, результирующая на фоне новых знаний, сопряжена также с порождением новых ценностных устремлений [5, р. 44]. В результате рефлексивности современной общественной жизни аккумулярованные социальные знания не в состоянии войти в контакт с возможными ситуациями, их аппликациями к реальности. «Дело не в том, что для разума нет стабильного социального мира, а в том, что само познание этого мира вносит вклад в его нестабильный и изменчивый характер» [5, р. 45]. Систематическое самопознание обуславливает рефлексивность модерности. Данное обстоятельство дегармонизирует связи между познаниями эксперта и информационными ресурсами, важными для непрофессиональной активности. Знание, осваиваемое профессионалами-экспертами, присоединяется к своему предмету, тем самым его изменяя [5, р. 45].

Как можно увидеть, рефлексивная социальная теория А. Гидденса тесно коррелирует с идеями И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, М. Вебера, К. Маркса, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера, лингвистического структурализма Ф. де Соссюра, структурализма К. Леви-Стросса, а также с постструктуралистскими построениями М. Фуко и Ж. Деррида. Так, Кант, опираясь на трансцендентальную рефлексию, вычерчивающую специфику различных способов теоретического и духовно-практического отношения субъекта познания и действия к миру, заложил основания деонтологического конструирования социальной реальности. Гегель сконструировал логику производства социального целого как заданную воплощением в нем рефлексивно постигающего себя на почве истории абсолютного духовного начала. Маркс показал значимость производства и воспроизводства общественной жизни в практическом взаимодействии индивидов. Социологические воззрения Дюркгейма представляются Гидденсу составляющими основания современных теоретических конструкций

структуралистского типа, описывающих общество как системно-структурно упорядоченное целое. Вебер обозначил видение человеческой деятельности как наделенное имманентной рациональностью участвующих субъектов и предложил собственную платформу рациональной интерпретации смысла таковых. Соссюр заложил понимание знаковой опосредованности социальных связей, укорененности общественных феноменов в языке, актуализируемом в речевых актах. С именем Витгенштейна у Гидденса ассоциируется осознание постоянной вовлеченности человека в различные виды языковых игр как жизненных форм. Философия Хайдеггера обозначает момент включенности интерпретации мира и действия в поток времени, неотрывного от существования человека. Его идеи для Гидденса стали источником развития концептуализации временно-пространственной конституции социальных систем [4, р. 3]. По его мнению, язык и ситуированные во времени и пространстве практики составляют основу социальной реальности. Обосновывая свою концепцию, Гидденс полагает возможным синтез подходов, разработанных в рамках феноменологии, наследия герменевтической традиции Хайдеггера и лингвистической философии Витгенштейна. Проблема властных функций языка анализируется им под очевидным влиянием Деррида и Фуко.

В работах Гидденса модернизация рассматривается сквозь призму трактовки институциональной рефлексивности. Здесь можно увидеть понимание общества как состоящего из многообразия практик, направляемых рефлексивными усилиями индивидов. Коммуникативные практики обеспечивают все виды человеческой деятельности, многообразие которой составляет целостность общественной жизни. Существование и рефлексивная интерпретация социальной действительности выглядят в его понимании одновременно реализуемыми и неразрывными ее составляющими. Социальные акторы интерпретируют многогранную жизнь общества, наделяют ее смыслом, и одновременно их деятельность также становится предметом интерпретации других акторов и экспертов, чьи конструкции воспроизводимой ими реальности оказывают влияние на запечатлеваемый ими мир. Такого рода программа построения социальной теории на модели двойной герменевтики адекватна современному процессу модернизации, ибо отвечает задаче непрерывной рефлексивной трансформации глобального общественного целого и его сегментов.

Гидденс правомерно акцентирует необходимость осознания единства структурного и субъектно-деятельного компонентов общества. Социальная действительность состоит из поступков индивидов. Субъект практического познания и действия живет в пространстве определенных знаково-идентифицируемых объектов и способов оперирования ими, которые заданы практическим сознанием. Оно обслуживает многообразие практик, различным образом сопряженных друг с другом, и

только в этом контексте мыслима рефлексивная деятельность субъекта. Последовательность практик базируется на рефлексивности, возможной лишь при условии упорядоченности таковых, что дает возможность фиксировать их взаимное совпадение в пространстве и времени. Рефлексивность выступает в данной связи не просто как самопознание, а как некое свойство, которое позволяет охарактеризовать феномены общественной жизни [2, с. 40]. Рефлексивность сопровождает воспроизводство практик и обслуживающих их реалий и механизмов сознания, оказываясь способной к их желательной трансформации.

Рефлексивный мониторинг деятельности индивидуального и коллективного субъектов является неотъемлемой чертой производства и воспроизводства социальной реальности. Гидденс обоснованно считает, что сфера находящегося за порогом рационально-рефлексивного осознания включает множество различных социокультурных и лингво-семиотических механизмов. Отметим, что рефлексивный мониторинг поведения реализуется на основе рационализации действия и практического сознания и рассматривается как целенаправленный или преднамеренный характер человеческого поведения [2, с. 50]. Рационально планируемый эффект может достигаться как поступками самих его авторов, предусматривающими результат своих деяний, так и другими субъектами, которые непреднамеренно попадают в поле зрения проецируемой ситуации. Но, несмотря на рациональный мониторинг, человеческие деяния могут быть неконтролируемыми и обладать непредвиденными последствиями [2, с. 49]. Это происходит ввиду наличия многообразных факторов, связанных с их осуществлением. Индивид получает желаемое, но результат влечет череду непредвиденных следствий, ибо актер не знает всю полноту ситуации, конституирующих ее элементов и упорядочивающих их связей. Мир повседневной жизни предстает потоком запланированной индивидами деятельности, хотя ее последствия выглядят непреднамеренными.

Рефлексивный мониторинг у Гидденса связан с интенциональным характером человеческого поведения. Он подчеркивает, что интенциональность является рутинной составляющей поведения. Именно она обуславливает объяснимость человеческого действия. Рефлексивный мониторинг и рационализация придают индивидуальному действию характер интенционального – направленного. Последовательность таких интенциональных действий конституирует поток повседневной жизни. Его частью выступают незапланированные следствия действий, сопряженные с неосознаваемыми предпосылками их осуществления [2, с. 59]. Непреднамеренные последствия действия вовлечены в ткань конституирования институтов, норм, обычаев, стереотипов деятельности. Как отмечает Гидденс, чем более результаты действия удалены в пространстве и времени от своего источника, тем менее, по мысли Гидденса, их следует рассматривать в качестве интенциональных. Подобные непред-

намеренные последствия, констатируемые в качестве обстоятельств воспроизводства социального, в свою очередь могут рассматриваться в качестве осознаваемых и неосознаваемых условий деятельности.

Итак, на уровне дискурсивного сознания индивида осуществляется рационализация действия, фиксируются преднамеренные последствия действия и осознанные условия этого действия, а на уровне практического сознания идет рефлексивный мониторинг непреднамеренных последствий и неосознанных условий действия.

По мнению Гидденса, социальная деятельность представлена тремя пересекающимися моментами различия: временным, парадигматическим и пространственным. «Всякая социальная практика есть ситуативная деятельность в каждом из этих смыслов» [2, с. 49]. Само понятие «действие» Гидденс интерпретирует как «непрерывный процесс, своего рода поток», в котором «рефлексивный мониторинг или сознательное отслеживание деятелей своих действий и действий окружающих составляет основу контроля за телесными движениями, поддерживаемого акторами в ходе повседневной жизнедеятельности» [2, с. 49].

Как уже отмечалось, общественные структуры производятся и воспроизводятся наделенными рефлексивностью социальными субъектами. Их индивидуальная деятельность осуществляется в контексте этих общественных структур, что приводит нас к определению дуальности социальной структуры. Гидденс формулирует собственное понимание взаимосвязи дуальности с феноменом системности общества. Он рассуждает, что каждая структура предполагает наличие конституирующих ее правил и ресурсов [2, с. 59]. Структура предполагает некое практическое знание того, как нечто воспроизводится акторами в форме предметного действия или знакового выражения, а также социальные практики, организованные через рекурсивное использование такого рода представлений, и возможности осуществления подобной деятельности. Наиболее константно повторяющиеся в пространстве и времени практики следует рассматривать в качестве социальных институтов. Гидденс трактует их как некие стандартизированные типы поведения, обозначая их базовую роль в пространственно-временном конституировании социальных систем [4, р. 96]. Таким образом, институты связаны с производством и воспроизводством социальных систем благодаря их структурно-регулятивным началам.

Социальные системы, в понимании Гидденса, представляют собой «структурированные тотальности», в границах которых реализуются наличные структуры в общественных практиках [4, р. 64–65]. Гидденс говорит о пространственной глубине и временной устойчивости как о характеристиках социальных структур, их исторической длительности, их пространственной распространенности в человеческих взаимодействиях. В конкретном виде совокупность данных структур и составляет ту или иную социальную систему.

Структуризация контролирует воспроизводство целостности и изменение социальных структур в их тотальности, т. е. сопряжена с производством и воспроизводством общественных систем. Гидденс полагает, что наличие структур, живущих в практическом сознании, задает взаимодействие – интеракцию между субъектами – основу совместных практик индивидов [4, р. 81–82].

Итак, Гидденс стремится подчеркнуть два момента:

1) структура социальных систем существует благодаря обладающей экзистенциально-личностным измерением деятельности человека и представляет собой постоянно воспроизводящуюся данность институционального порядка в обществе;

2) устанавливаемые между людьми социальные взаимоотношения имеют некоторые характеристики, которые непосредственно не могут быть порожаемыми интенциональностью действующих индивидов или же институциональными особенностями данного сообщества [4, р. 69].

В деятельности субъектов не только преобразуется общество, но и происходит их собственная трансформация. Люди создают общество на базе неосознаваемых ими обстоятельств собственной деятельности, а также непрогнозируемых итогов таковой. Структуры при этом создают возможности деяния людей, а не только продуцируют их ограничения. Структуры воспроизводятся в рутинных практиках. Структуризация при этом выглядит условием сохранения целостности и трансформации структур, обуславливая целостный процесс воспроизводства социальных систем [4, р. 69]. Можно заключить, что структурные свойства социальной системы находят воплощение в ее институциональных связях.

Социальные институты относятся к стандартизированным способам поведения, которые играют основную роль в конституировании социальных систем в пространстве и времени. Они задают как пространственно-временную непрерывность взаимодействия и репродуцируемость практик повседневности, так и константное обновление стереотипов деятельности в обстоятельствах повседневности [2, с. 75]. Стереотипы деятельности индивидуальных и коллективных акторов, присутствующих на различных уровнях общественных систем, задают интеграцию их целостности через рутинное репродуцирование институциональных контекстов действия, а также структурных характеристик самих систем.

Сигнификация, господство и легитимация составляют три главные структурные характеристики общественной системы [4, р. 97]. Прежде всего, структуры обладают сигнификативными функциями, контролируя семантические поля, управляющие практическим сознанием индивидов. Все социальные системы производят коды значений, а также правила их применения и интерпретации. Коды в определенном смысле должны прочитываться текстуально. Понятие кода обязательно

предполагает понятие трансформаций [4, р. 100]. Это относится как к синтаксическим правилам, задействованным в производство лингвистических знаков, так и к другим семиотическим системам. «Субъекты деятельности регулярно включают пространственные и временные характеристики взаимодействий в процессы построения смысловых значений. Будучи основным элементом взаимодействия, коммуникация является более содержательным понятием, чем коммуникативное намерение» [2, с. 75]. Универсум значений задает своеобразное «совместное знание», применяемое в различных контекстах [4, р. 83]. В процессе использования актором «совместного знания» продуцируется совокупность значений, относящихся к особым контекстам деятельности. Контекст взаимодействия принимает вид совокупной части коммуникативной интеракции и вместе с привычным использованием интерпретативных паттернов участвует в производстве структурно организованного «совместного знания».

Структуры обладают также измерением власти (господство). Гидденс подчеркивает, что власть – свойство, присущее деяниям индивидуальных субъектов, способных к мониторингу социальных ситуаций. Действовать, по Гидденсу, означает обладать властью [4, р. 99–100]. К институциональным характеристикам данного принципа относятся:

1) наличие ресурсов, задающих возможность осуществлять власть и достигать желаемых результатов субъектами деятельности;

2) власть является также «трансформирующей потенцией» взаимодействия акторов, задавая отношения их автономии или зависимости. Гидденс трактует власть как «взаимодействие, при котором трансформирующая потенция реализуется в попытках акторов заставить окружающих подчиниться их желаниям» [4, р. 93]. Таким образом, власть позволяет осуществить преднамеренное вмешательство, а наличие у нее ресурсов выглядит возможностью ее осуществления. «Осуществление власти не есть разновидность действия... власть проявляется в действии как в регулярном и рутинном явлении... Ресурсы представляют собой средства, благодаря которым осуществляется власть и воспроизводятся структуры господства» [4, р. 91].

И, наконец, структура обладает легитимизационным потенциалом относительно порядка происходящего. Легитимация интерпретируется Гидденсом как производство определенного нормативного порядка, нормативное обусловливание [4, р. 100]. Она создает основы механизмов согласования интерпретаций. В границах теории структурирования нормы выступают как требования, адресованные агентам действия, предполагающие их ответную реакцию [4, р. 86]. Компетентный деятель оценивает свое поведение с точки зрения нормативного контекста.

Взаимосвязи между этими принципами лежат в основе классификации институтов, которая подчеркивает их взаимозависимость

внутри социальной целостности. Таким образом, социальные институты общества выступают как обеспечивающие символический, политический, экономический и правовой порядок [2, с. 80].

Гидденс определяет социальный институт как установившуюся и распространенную среди членов общества практику, которая существует в пространстве и во времени [4, р. 80]. Важно также отметить, что деятельность социальных институтов в целом зависит от деятельности конкретного индивида в частности. «Все члены общества достаточно компетентны в том, что касается практического исполнения социальной деятельности... Знание, которым они обладают, не является случайным по отношению к теоретическому моделированию социальной жизни, а является интегральной его частью» [4, р. 71].

Как видно, теория структуризации и связанные с нею концепции действия и социальных институтов демонстрируют сущность и принципы устройства современного подверженного пространственно-временному дистанцированию общества. При этом как деятельность социальных институтов, так и сама деятельность человека в них качественно изменяется, а место индивида в них приобретает иное предназначение.

При определении специфики модернизационного процесса на базе рефлексивного мониторинга с позиции Гидденса также важны его воззрения на социальную и системную интеграцию, которые во многом развивают идеи теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. «Социальная интеграция определяется как взаимодействие в контекстах соприсутствия» [2, с. 215], в то время, как системная интеграция подразумевает организацию взаимодействия в контекстах, отмеченных отсутствием непосредственных связей между индивидуальными социальными субъектами. Социальная интеграция опирается на межличностную интеграцию, регуляризацию отношений между непосредственно взаимодействующими индивидами и сопровождается постоянным рефлексивным мониторингом действия и рационализаций поведения индивидов. Связи опосредования отношений между коллективными общностями не предполагают такого взаимодействия на межличностном уровне и отмечены анонимностью. Для современности, по мнению Гидденса, характерно перенесение рефлексивного саморегулирования на уровень глобальной системной интеграции [4, р. 79]. «Данный феномен лежит в основании двух всепроникающих типов социальной мобилизации в Новое время: “легально-рациональной” социальной организации и секулярного социального движения... попытки рефлексивной саморегуляции также производят дальнейшую подпитку процессов такого рода через “системную технологию”,... рефлексивная саморегуляция, понятая как технический контроль может стать значимой идеологической силой» [4, р. 79–80]. Как и Хабермас, Гидденс говорит о науке и техно-

логии как некоем идеологическом начале, обеспечивающем социально-интеграционное взаимодействие.

Как видно, для Гидденса характерно понимание модернизации общества как процесса, сопутствующего всей истории Нового времени и современности, неразрывно связанного с процессом рефлексивной рационализации всех сторон общественной жизни. Таким образом, рефлексивность активно включается в воспроизводство социальной системы.

Под влиянием идей М. Хайдеггера Гидденс обозначил экзистенциальное измерение существования личности и показал единство в ее структуре подсознательных, практических и дискурсивных компонентов. Опираясь на воззрения относительно повседневно-практической деятельности личности Гуссерля и Шютца, Гидденс указал на ее предопределенность мониторингом со стороны сознания, сопряженность дискурсивной деятельности личности с феноменом интенционального проектирования последствий социального действия. Человек, творящий социальную реальность, является одновременно и ее интерпретатором. Социальная реальность возникает в процессе понимания, интерпретации субъектом собственных деяний и в их истолковании другими, взаимодействующими с ним акторами. Таким образом, поддерживая и изменяя структурные условия своего существования, субъект воспроизводит и создает канву социальной жизни. Теория рефлексивной модернизации Гидденса опирается на общетеоретический анализ роли самосознания в конституировании социальной реальности и предлагает весьма плодотворный вариант анализа социокультурных процессов.

Проблема рефлексивной модернизации достаточно оригинально рассматривается и в концепции Лэша. Этот британский теоретик также выступает с критикой просвещенческого проекта модернизации общества и культуры, который, на его взгляд, питался идеей развертывания единого рационального сценария ее осуществления. Этот тип модернизации, согласно Лэшу, можно охарактеризовать как порождающий «первую модерность», порвавшую с устоями традиционного общества. Характерно, что первую модерность Лэш, в отличие от Гидденса, именует «высокой». Вторая модерность, напротив, оказывается опирающейся на множество рациональных оснований. Отличие двух типов модерности проявляется в трактовке пространства человеческого мира, способе описания общества, в описании функционирования опыта, в выдвижении суждений, которые могут быть сформированы на его базе. «Вторая и основополагающе эстетическая модерность не является антрациональной или рациональной, но обладает принципом рациональности, опирающимся на рефлексивность» [6, р. 3]. Она видится британскому автору принципиально эстетической по ее способу конструирования видения мира.

Если для первой или высокой модерности свойственна опора на суждения, которые Кант в «Критике способности суждения» охарактеризовал как определяющие, т. е. подводящие полученный опытный материал под готовые, уже заранее имеющиеся определения, то вторая, или рефлексивная, модерность прибегает по большей части к рефлексивным суждениям, формирующим понятия на базе конкретики материала. «Определяющее суждение ...приводит под свой знаменатель “идентифицирующее мышление”, “технология”, инструментальную рациональность, абстрактное картезиански-ньютоновское видение пространства-времени первой или высокой модерности. Рефлексивное суждение, со своей стороны, является эмблемой социально-культурной теории второй модерности» [6, р. 199–200]. Отсюда и эстетичность второй модерности, ее ориентированность на индивидуальное конструирование образа реальности, адресованной сообществу. Вторая модерность центрирована на субъекте и его культуросозидающей способности в отличие от первой, которая ориентирована на общество. Поскольку личностное, рефлексивное начало лежит в ее основе, вторая модерность, деконструируя и реконструируя свои рациональные основания в рефлексивной игре, работает с локальностями общественной среды, сплачивая группы единомышленников, ратующих здесь и теперь за социальные и культурные перемены. Это отличает ее от первой модерности, более вдохновленной идеалом когнитивной прозрачности и всеобщей социальной инженерии, трансформирующей общество как целое. При этом, как полагает Лэш, не следует думать, что вторая модерность, которая совпадает с утверждением плюралистической модели рефлексивности, означает конец первого типа модерности и соответственно присутствующего ей способа модернизации. В отличие от своих единомышленников по созданию рефлексивной теории модернизации Лэш утверждает возможность одновременного сосуществования двух типов модерности. Сама же модель их сочетания не представлена в завершенном и последовательно разработанном виде в его сочинениях, а потому читателю остается только догадываться о возможностях авторской трактовки проблемы.

Если Гидденс и Бек не противопоставляют модерность реалиям информационного общества, то Лэш проводит тезис о возникновении в его границах совершенно новой действительности, где царствует вещный принцип организации интерсубъективно значимого мира, который становится принципиально антигуманным. Субъективность и различие, на которых зиждется конструкция мира второй модерности, сменяются объективистским редукционизмом, задающим особенности знаково-символической среды. В этой связи он активно использует наследие В. Бенямина и П. Верильо. Подобное видение соотношения второй модерности и информационного общества выглядит всего лишь фрагментарно намеченным и порождает множество вопросов, сопряженных в

первую очередь с тем, что глобальное информационное пространство отнюдь не уничтожает возможности личностного творчества, его осуществления в диалоге различных культурных миров.

Суть исканий представителей рефлексивной теории модернизации составляет преодоление проекта просвещенческой трактовки рациональности, предусматривающего рефлексивное саморазвертывание надежно установленных субстанциально фундированных единичных начал, претерпевающих процесс обогащения их содержания на пути истории. Рациональность постпросвещенческого типа опирается на постоянный поиск новых оснований видения мира. История выступает как поле развертывания потенциалов разума и борьбы с иррациональным и наличными формами его воплощения. Обосновывая такую поливариантную трактовку рациональности, теоретики рефлексивной модернизации апеллируют к весьма несхожим вариантам критики просвещенческой рациональности от критико-рационалистической платформы «антифаундационализма» К. Поппера до построений теоретиков Франкфуртской школы.

Несмотря на то, что перманентная рационализация общественной жизни неизменно сопровождает модернность, ее рефлексивная стадия реализуется лишь на стадии «высокой модерности», по Гидденсу, на этапе «другой модерности», по Беку, или же «второй модерности», сообразно с С. Лэшем, ибо сегодня любые рациональные основания жизнедеятельности личности в любой сфере человеческой жизни могут ставиться под знак вопроса. Постоянно изменяющаяся реальность взывает к поиску многообразных рациональных стратегий модернизации. Приходит осознание того, что любые рациональные сценарии должны быть постоянно рефлексивно вопрошаемы и подвергаемы рефлексивному сомнению и мониторингу с точки зрения достоверности их доводов и оснований.

В намечаемой перспективе личность принимает определенные формы социальности, рефлексивно вписываясь в контекст повседневности. При этом традиция с ее различными когнитивными, ценностно-нормативными, праксеологическими компонентами создает фон социально-культурной действительности. Отношение к нему варьируется в зависимости и от способа рефлексии: рефлексивно воспроизводится и социальный мир, и личность.

Теория рефлексивной модернизации возникает как ответ на вызов современности, предлагая осмысление процессов, идущих в глобальном сообществе. Заявляя о высокой значимости самосознания субъекта в отношении трансформации структурно-институциональных основ общественной жизни, рефлексивная теория модернизации ставит себе целью поиск поливариантных рациональных стратегий изменения современного мира в перспективе, необходимой для создания и обеспечения гармоничной жизни личности.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
2. Гидденс Э. Устроение общества. М., 2003.
3. Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Stanford, 1994.
4. Giddens A. Central Problems in Social Theory. London, 1979.
5. Giddens, A. The Consequences of Modernity. Stanford, 1990.
6. Lash S. Another Modernity, A Different Rationality. Oxford, 1999.
7. Toulmin S. Cosmopolis: the Hidden Agenda of Modernity. Chicago, 1990.

GLOBAL WORLD: REFLEXIVE SCENARIOS OF MODERNITY TRANSFORMATION

B.L. Gubman

Tver State University, Tver

C.V. Anoufriyeva

Tver State University, Tver

The reflexive modernization theories are aimed at overcoming of the Enlightenment project approach to rationality that is based on the assumption of existence of firmly established substantial unified foundations undergoing their content enrichment throughout the path of history. The post-Enlightenment rationality is based on the constant search for the new foundations of world interpretations.

Keywords: *modernity, reflexive modernization, reflexive monitoring of activity, the transformation of modernity.*

Об авторах:

ГУБМАН Борис Львович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет». E-mail: gubman@mail.ru

АНУФРИЕВА Карина Викторовна – аспирантка кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет», e-mail: carina-oops@mail.ru

Gubman Boris Lvovich – Ph.D., Prof., Chair of the Dept. of Philosophy and Cultural Theory, Tver State University, Tver. E-mail: gubman@mail.ru.

ANOUFRIYEVA Carina Victorovna is a Ph.D. student of the Department of Philosophy and Culture Theory, Tver State University, e-mail: carina-oops@mail.ru